

Чавк-чавк.

По столовой разнёсся звук, с которым Дахуан грыз куриную ножку.

Под поверхностью семейного ужина уже вовсю бушевали скрытые течения, но Дахуан ничего об этом не понимал.

Дахуан был простым псом.

Хозяин велел есть — значит, надо есть.

Он уплетал с таким удовольствием, что мордой то и дело звякал о тарелку.

Остальные за столом молчали.

Лу Жань действовал слишком быстро и настолько нагло, что все просто опешили.

Дахуан уже успел наполовину обглодать ножку, а семья всё ещё не пришла в себя.

Палочки госпожи Шэнь, которыми она собиралась взять ту самую куриную ножку, так и застыли в воздухе.

Шэнь Синжань тоже замер с протянутой рукой.

Только когда Лу Жань вытащил из пасти Дахуана кость и сказал:

— Эй, варёные кости есть нельзя.

— А-а!

Госпожа Шэнь коротко вскрикнула, напрочь забыв даже о безупречных манерах, которыми так гордилась. Палочками то указывала на невозмутимо ужинающего Лу Жаня, то на пса, спокойно евшего рядом.

— Ты... ты посмел посадить собаку за стол?! И ещё отнял у Синжаня куриную ножку?!

Пока она говорила, Лу Жань забрал и вторую ножку и положил в тарелку Дахуана.

Шэнь Синжань тоже опешил.

Но сообразил быстро и тут же изобразил страх перед собакой: вместе со стулом резко отъехал назад.

Две пощёчины Лу Жаня его, конечно, потрясли.

Но, если честно, в глубине души Шэнь Синжань даже немного радовался.

После такого поведения супруги Шэнь наверняка уже никогда не примут Лу Жаня.

Значит, ему можно не бояться, что собственное положение в семье окажется под угрозой.

Радость радостью, но всё происходящее явно выходило из-под контроля.

В конце концов... пощёчины были настоящими.

И боль от них — тоже.

Стул с резким скрежетом проехал по полу.

Этот звук должен был привлечь внимание госпожи Шэнь и Шэнь Хунъюаня.

Но прошло несколько секунд, а Шэнь Синжань так и не услышал привычного встревоженного вопроса.

Он недоумённо поднял голову.

Госпожа Шэнь прижимала ладонь к груди и, кажется, была близка к обмороку от ярости.

Палочки в руке Шэнь Хунъюаня дрожали, а сам он не отрываясь сверлил Лу Жаня глазами.

Они действительно были в ярости.

Но всё их внимание почему-то сосредоточилось на Лу Жане.

Шэнь Синжань почувствовал раздражение.

Он посмотрел на Шэнь Синчжо.

Тот, впрочем, тоже не смотрел на Лу Жаня.

Он молча разглядывал жёлтого пса, который вылизывал тарелку, и словно о чём-то задумался.

Шэнь Синжаню ничего не оставалось, кроме как заговорить самому:

— Папа, мама, только не сердитесь так, вам же плохо станет!

Он поднял взгляд на Лу Жаня, будто хотел ещё что-то добавить, но испуганно опустил голову и прикрыл рукой щеку:

— Собачка... вообще-то довольно милая...

Говорил, что собака милая, а сам демонстративно поглаживал следы того самого «укуса».

— Лу Жань! Ты что творишь?! Немедленно выгони эту собаку! — Шэнь Хунъюань ударил ладонью по столу.

— Быстро уведи её, уведи! Посмотри, как Синжань испугался. Синжань, не бойся, это всего лишь собака... — госпожа Шэнь поспешила утешать любимчика.

— Брат... наверное, просто очень любит этого пса, — Шэнь Синжань снова заваривал свой фирменный «зелёный чай».

Чавк-чавк.

А Лу Жань и Дахуан продолжали есть.

Лу Жань полностью игнорировал творившийся вокруг балаган.

Повар, за которого семья Шэнь платила огромные деньги, готовил действительно превосходно. В университетской столовой такого не попробуешь.

К тому же из-за «тяжёлой травмы» на лице Шэнь Синжэня госпожа Шэнь специально попросила сегодня готовить с минимумом соли и масла.

Многие блюда как раз подходили Дахуану.

— Ты ещё ешь?! Ты после всего этого смеешь сидеть и есть?!

Шэнь Хунъюань уже почти кричал:

— Сначала твоя собака кусает твоего младшего брата, потом ты дважды бьёшь его по лицу, а теперь ещё и приводишь эту псину за общий стол! Ты вообще считаешь меня главой семьи Шэнь?!

Отношение Лу Жэня выводило его из себя.

Шэнь Хунъюань был человеком средних лет и особенно любил устраивать сцены за семейным столом.

Трое сыновей встречали его гнев по-разному, но хотя бы реагировали.

А Лу Жэнь заставлял его чувствовать, будто он говорит с пустым местом.

Это раздражало ещё сильнее.

Лу Жэнь тем временем взял себе большой кусок лосося.

Одним движением он ясно показал: на какого-то там «главу семьи Шэнь» ему плевать.

— Думаешь, раз вернулся в семью, тебе теперь всё позволено?!

— Посмотри на своего младшего брата, потом на себя! Да что ты вообще из себя представляешь? Кроме неприятностей семье, на что ещё способен?

— И специальность выбрал позорную — ветеринарию! Мне что, теперь всем рассказывать, что сын Шэнь Хунъюаня работает ветеринаром?!

Лу Жэнь по-прежнему ел, опустив голову.

Дахуан, кажется, понял, что человек напротив ругает его хозяина. Он даже перестал жевать мясо и обеспокоенно посмотрел на Лу Жэня своими чёрными глазами-бусинками.

Шэнь Хунъюань сейчас говорил именно то, что на самом деле всегда думал.

Боль от исчезновения младшего сына давно выветрилась.

Когда ему сообщили, что Лу Жэня нашли, первой мыслью было вовсе не счастье.

«Какая морока».

Если бы мальчик оказался выдающимся — ещё ладно.

Но если бездарный сын выставит семью в плохом свете, зачем он вообще нужен?

Теперь вся спрятанная неприязнь вырвалась наружу.

— Ещё миллиард посмел требовать! А кто виноват, что ты тогда потерялся? Сам бегал где попало! С самого рождения только проблемы семье создаёшь!

— Вот так вас воспитывал тот директор Лу из детского дома? Неудивительно, что в прошлом году сдох от болезни. Карма!

Рука Лу Жаня на мгновение остановилась.

Затем он как ни в чём не бывало прижал ладонью голову Дахуана к тарелке и тихо сказал:

— Ешь быстрее.

Поначалу за столом все слушали, как Шэнь Хунъюань отчитывает Лу Жаня.

Ел только сам Лу Жань.

Но ел он с таким аппетитом...

Что человек и пёс вместе невольно устроили почти настоящий мукбанг.

Через некоторое время у кого-то громко заурчало в животе.

Даже госпожа Шэнь не выдержала и осторожно потянула мужа за рукав, намекая, что, пожалуй, хватит.

Ужин всё-таки важнее.

Шэнь Хунъюань и сам успел проголодаться, пока ругался.

В тот самый момент, когда он протянул руку к палочкам, Лу Жань громко отрыгнул от сытости и взял салфетку, чтобы вытереть рот.

Потом посмотрел на остальных, которые так и не начали есть, и с удивительно спокойной улыбкой произнёс:

— Раз не хотите есть — тогда и не ешьте.

Шэни, уже собравшиеся взять палочки, замерли.

Лу Жань повернулся к Дахуану:

— Дахуан, больше не терпи. Какай.

После последних двух слов всем за столом показалось, что они ослышались.

Даже сам Дахуан замер.

Пёс явно смутился, вопросительно посмотрел на хозяина и тихо гавкнул:

— Гав?

— Какай, — коротко повторил Лу Жань.

Дахуан обеспокоенно покрутился на стуле.

Но в конце концов прыгнул на пол и оставил на безупречной плитке вполне здоровую кучку собачьих экскрементов.

Убийственный запах неспешно поплыл по комнате.

Шэни, державшие палочки и готовившиеся наконец поесть, начали зеленеть лицами.

Даже у Шэнь Синжання отказала привычная мимическая дисциплина: черты лица заметно перекосились.

— Ты... ты!.. — губы Шэнь Хунъюаня дрожали после долгой ругани.

В следующий миг Лу Жань с мрачным лицом поднялся.

Достал из кармана пакетик, который носил для уборки за собакой, и без малейшего колебания подобрал кучку с пола.

Но уходить не стал.

Под откровенно испуганными взглядами семьи он поставил ногу на стул и, держа пакет с собачьими экскрементами, забрался прямо на обеденный стол.

А затем одним ударом ноги опрокинул блюда и начал как безумный размахивать пакетом.

Пакет летал по кругу, и безопасного места вокруг Лу Жаня почти не осталось.

Шэнь Синжань уже хотел завизжать, но почувствовал, как возле лица просвистело нечто подозрительное, и тут же захлопнул рот.

Посреди хаоса Лу Жань первым приблизился к госпоже Шэнь.

Размахивая пакетом, он ткнул пальцем в Шэнь Синжання:

— Тебе его жалко, да?

Госпожа Шэнь оцепенела.

Она не отрывала глаз от предмета в руке Лу Жаня, вжималась в спинку стула и держала обе руки перед собой. По всей её позе было видно одно: «Держи это подальше!»

Такая реакция Лу Жаня не удовлетворила.

Он присел на корточки прямо на столе и подвинулся ближе:

— А мне какое дело, что тебе его жалко? Хочешь сама ползать перед своим приёмным сыном — ползай. Меня-то зачем тащить с собой?

— Или, по-твоему, мне не было обидно? А?!

Госпожа Шэнь не осмеливалась открыть рот.

Она плотно сжала губы и яростно замахала руками:

— М-м-м... н-нет! Было! Было!

Разобравшись с ней, Лу Жань перевёл тёмный взгляд на Шэнь Хунъюаня, который до этого ругался без остановки.

Тот оказался смелее и уже поднял руку, будто собираясь снова отчитать сына.

Лу Жань просто протянул пакет вперёд.

Шэнь Хунъюань закатил глаза и чуть не потерял сознание.

Лу Жань не позволил ему отключиться.

Одной рукой он покачивал пакет прямо перед его лицом, другой ухватил за плечо и начал вопрос:

— Ты сейчас кого «кармой» называл? Кто разрешил тебе говорить такое о директоре Лу? Ты вообще достоин его обсуждать?

Шэнь Хунъюань уставился на содержимое пакета.

Сначала машинально кивнул, потом понял вопрос и отчаянно замотал головой.

— Говори! Ты же только что такой разговорчивый был? — голос Лу Жаня, напротив, стал совсем тихим.

Но в сочетании с совершенно чёрными, будто не отражающими свет глазами это звучало страшнее крика.

Никто не сомневался: если ответ Лу Жаню не понравится, содержимое пакета окажется прямо на лице собеседника.

Глава семьи Шэнь, Шэнь Хунъюань, впервые в жизни столкнулся с такой угрозой.

Пришлось сжать губы и кое-как выдать:

— Н-не достоин!

Лу Жань продолжил:

— И ещё мою специальность унижал? Ветеринария плохая? Ну-ка повтори.

Пакет оказался почти у самого его носа.

Шэнь Хунъюань был уже наполовину в обмороке. Он отчаянно отклонялся назад и пустил в ход все навыки человека, который десятилетиями умел говорить каждому именно то, что тот хотел услышать:

— Х-хорошая! Очень хорошая! П-перспективная!

Только тогда Лу Жань его отпустил.

И повернулся к Шэнь Синжаню.

Тот уже успел вскочить и собирался бежать, но Лу Жань ухватил его за волосы и потянул обратно:

— Куда? Ты же у нас такой хороший сын. Твоих папочку с мамочкой угрожают измазать собачьим дерьмом — разве ты не должен разделить с ними трудности? Чего побежал?

Шэнь Синжань застыл и не смел шевелиться.

Лу Жань поднял пакет и другой рукой указал на Дахуана:

— Спрошу ещё раз. Кто оставил царапины на твоей руке?

Шэнь Синжань всё ещё хотел стоять на своём.

Тогда Лу Жань продемонстрировал маленькую дырку, уже появившуюся в пакете.

На этот раз Шэнь Синжань не притворялся.

Он действительно был готов заплакать.

Впервые в жизни он заговорил настолько искренне и громко:

— Я! Я сам себя поцарапал!

Пока Лу Жань допрашивал его, Шэнь Синчжо уже осторожно отодвинулся от стола.

Как человек, помешанный на младшем брате, он, вероятно, очень хотел броситься спасать Синжаня.

Но, взглянув на то, что Лу Жань держал в руке, впервые в жизни заколебался на несколько секунд.

Этих нескольких секунд Лу Жаню хватило.

Он развернулся и метнул пакет прямо в Шэнь Синчжо.

Шлёп!

Почти порвавшийся пакет угодил в дорожную кожаную куртку.

Кожа была плотной.

В гостиной стояла мёртвая тишина.

Трое остальных Шэней застыли, собственными глазами наблюдая, как тонкий пакет будто в замедленной съёмке деформируется, сминается...

А затем не выдерживает нагрузки.

Раздалось тихое:

Плюх.

Содержимое разлетелось во все стороны.

Причём далеко.

И высоко.

Шэнь Синжань, стоявший ближе всех, почувствовал на лице несколько тёплых капель и машинально повернул голову.

Он ещё не понял, что именно на него попало.

А полутвёрдые брызги уже достигли верхней точки дуги и начали падать вниз.

Шлёп-шлёп-шлёп.

Как дождь.

Все Шэни сидели или стояли на месте с пустыми лицами.

На мгновение каждому показалось, что это сон.

Они не то что не успели увернуться — даже закричать забыли.

Когда странный «дождь» наконец закончился, Лу Жань, который заранее подхватил Дахуана и ловко отскочил в безопасное место, подошёл обратно.

Он остановился рядом с Шэнь Синчжо.

Второй молодой господин семьи Шэнь окончательно окаменел.

Взгляд стал пустым.

— Думаешь, сбежать получится?

Лу Жань пнул его.

— Ещё мою собаку убить хотел? Жри дерьмо!

Он с яростью отвесил Шэнь Синчжо ещё несколько пинков.

А затем под потрясёнными взглядами остальных снял с его куртки остатки пакета и с размаху шлёпнул их на обеденный стол.

Все Шэни одновременно вздрогнули.

Лу Жань поставил ногу на стул, одной рукой прижал к себе Дахуана и громко объявил:

— С сегодняшнего дня я добьюсь одного: во всём доме Шэнь больше никто не посмеет повышать голос ни на меня, ни на мою собаку!

#

<http://bllate.org/book/21306/2174062>